

Annotation

Он сильный, властный и жестокий. Она хрупкая и нежная. Они враги, но ее голос покори́л его, пленил и уже никогда не отпустит...

* * *

Все не так, как кажется. Истина порой скрыта миллиардами тайн, а иногда лежит на поверхности.

– Отведи ее наверх, – короткий приказ, фраза брошенная охраннику, заставила его непроизвольно вздрогнуть.

– Шеф, чет я не понял, – тихо начал парень, – Но она же...

Павел умолк, наткнувшись на цепкий взгляд темно-ореховых глаз босса. Взгляд, от которого хотелось спрятаться. Охранник кивнул, и, глубоко вздохнув, отправился выполнять приказ шефа. А тот вновь повернулся к сцене.

Зал был погружен в приятный полумрак и только свет от пары софитов падал на девушку. Ее платье струилось мягкими волнами до пола, скрывая очертания фигуры. Длинная коса небрежно переброшена через плечо. Косая челка почти скрывала глаза, заслоняла от мира, прятала. Девушка ничем не выделялась, почти не привлекала к себе взгляды посетителей клуба. И только голос.... Ее голос был волшебным. Чистым, словно горный ручей. Ласкающим, словно лучики первого весеннего солнца после затянувшейся зимы. И загадочным, сродни неизведанным морским глубинам.

В зале было очень тихо. Зрители, казалось, не дышали, замерли, наслаждаясь завораживающим пением. Многие из них приходили в этот клуб каждую субботу, в день, когда юная певица выступала на сцене 'Пятигорья'. О певице было мало что известно. Она не выходила в зал. Не вставала со стула. Ни с кем не разговаривала. Ее репертуар часто менялся, но она никогда не пела на заказ. Иногда случалось, что перебравший зритель, посетивший клуб первый раз, размахивая банкнотами, пытался заказать любимую песню. Но охрана тихо вводила посетителя, пресекая попытки устроить дебош.

Обычно выступление длилось около сорока минут. По истечении времени, девушка поднимала руку, едва заметно кивала, и гас свет софит. А когда вновь загорался, на сцене уже выступали музыканты. Девушка исчезала также неожиданно, как и появлялась. Завсегдатаи клуба о ней говорили разное, выстраивая гипотезы о том, почему же певица держалась столь отстраненно. Мнений было множество, начиная от физических увечий, заканчивая нервными расстройствами. И только один единственный зритель в зале знал истинную историю девушки.

Каждую субботу в одно и то же время, на выступление девушки, бесспорно талантливой, но никому не известной, второй ярус, отведенный под VIP-зал, был закрыт для всех без исключения. И только один единственный посетитель сидел за столиком у перил. С его места отлично просматривалась сцена, а вот сам зритель оставался в тени, даже при ярком освещении зала. Каждую субботу мужчина выпивал чашку кофе и слушал выступление певицы. Одна чашка за все выступление. Однако сегодня мужчина предпочел коньяк.

Двери, отсекавшие VIP-зону от основного зала, бесшумно распахнулись. На пороге возник охранник. На его лице всего на долю секунды промелькнула совершенно необъяснимая ухмылка, но вновь вернулось непроницаемое выражение.

– Яков Алексеевич, – начал охранник, – Там это... Ждана уже отчалила. Вы же сами велели после выступления ее домой отвозить. Чтобы по-тихому. Вот парни и увезли ее. Я чуток с ними разминулся.

Мужчина, поставив пустой бокал на стол, коротко выдохнул. Охранник сглотнул, мысленно прикидывая, что именно шеф может сделать за неподчинение приказу. Яков Алексеевич, больше известный как Ящер, сделать мог многое. Мало кто мог похвастать дружескими отношениями с ним. А еще меньше тех, кто посмел пойти против Ящера.

Охранник придержал дверь для шефа, не веря своей удаче. Либо Ящер стал человеком, либо...

Мысль закончить парень не успел. Тяжелый кулак врезался в живот охранника. Тот, согнувшись пополам, протяжно хрипло выдохнул.

– Машину подгони, – короткий приказ слетел с упрямо сжатых губ. Цепкий взгляд на секунду задержался на лице охранника Павла, метнулся к столику, где Ящер сидел еще минуту назад. Застыл на сцене, где пела Ждана, словно она все еще была там. И Яков Алексеевич вышел из VIPа, а потом и из самого клуба. Никто его не останавливал, не пытался заговорить. И только вслед ему летели взгляды, в которых явственно читалось облегчения от того, что он так рано покидал клуб.

Яков Алексеевич Пятигорских был ужасным человеком, страшным, суровым, порой злым. Он добивался своей цели, идя к ней напролом, по головам. Он не знал пощады и не сожалел о своих действиях. И всегда добивался успеха. Кто-то опасался его, предпочитая не вставать на его пути. Кто-то открыто боялся, мечтая никогда с ним не столкнуться. Кто-то восхищался им, предпочитая выразить свое восхищение со стороны. Но Ящер плевал на всех. Он ставил цель и шел к ней. Появившись около десяти лет назад в городе, он большую его часть 'подмял' под себя. Ни одна сделка не совершалась на его территории без его ведома. Каждый, будь то обычный карманник, или крупный авторитет, отчитывался перед Ящером. Бизнесмены и торговцы отдавали почетную дань в денежном эквиваленте за возможность вести дела на территории Ящера. В общем, Пятигорских воротил всем и всеми в своих районах. И клуб 'Пятигорье' был центром империи, созданной Ящером. Его 'офисом'. На первых двух этажах располагались увеселительные помещения, следующие два этажа были отведены для легального офиса. А на пятом и шестом находились личные апартаменты шефа. Никто не поднимался на эти этажи, за исключением горничных, личных помощников Ящера и его охраны.

Яков Алексеевич вышел на улицу. Игнорируя пальто в руках охранника, размашистым

шагом мужчина направился к подъехавшей ко входу машину. Черный тонированный бронированный автомобиль больше напоминал танк. Охранник торопливо открыл заднюю дверь, придержал ее для шефа. И как только Ящер расположился на сиденье, авто тронулось.

– Куда едем, шеф? – тихо подал голос Павел, занимая переднее пассажирское сиденье.

Парень смотрел на начальника через зеркало заднего вида. Он знал, куда именно захочет поехать шеф. Но очень надеялся, что ошибся.

Вздернутая бровь, надменный взгляд, и немного кривая улыбка, больше похожая на оскал.

– Большой переулочек? – рискнул предположить Павел. Именно там располагался один из загородных домов, принадлежавших Ящеру. Именно туда он отправлялся каждую субботу, где его уже ждала одна из девушек, в сферу услуг которых входило развлекать грозного босса.

– Садовая, – как-то слишком вкрадчиво поправил Ящер охранника, и, продолжая удерживать его взгляд, добавил, – Десять.

– Босс, – немного хрипло, но настойчиво вновь начал Павел, – Ждана, она ведь девчонка совсем, и...

– Что 'и'? – не терпящим возражения тоном перебил Ящер.

– И мелкая еще, – Павел сглотнул, но все же продолжил перечить боссу, – Вы не привыкли к таким.

– Стоять! – короткий, но громкий приказ. Водитель стремительно притормозил и прижался к обочине.

– Все вон! – уже тише и более спокойно, но все знали, что Ящер находится в состоянии тихой ярости.

Водитель пулей выскочил из машины. Павел же, обернулся и внимательно посмотрел на шефа.

– Яков Алексеевич, – Павел встретил тяжелый взгляд босса, – Она наивная девчонка. Зачем Вы ее ломаете?

Яков молчал, но в его взгляде читалось, что отчитываться или что-то разьяснить охраннику он не станет.

– Вон! – повторил приказ Ящер. И Павел подчинился.

Ящер сам открыл свою дверцу и пересел на водительское место. Машина, взвизгнув шинами, помчалась вперед. Вслед удаляющемуся авто смотрел водитель. А охранник, вынув телефон из кармана, торопливо набирал номер певицы.

– Ждана, это Павел, – быстро говорил охранник, – Он к тебе едет. Один. Я парням позвоню, чтобы тебя спрятали.

– Нет, Павел, – вздохнула девушка, – Не стоит. Ты сам знаешь, что он может сделать, если ему перечить. Не нужно подставлять ребят. Все хорошо будет, правда.

– Ждана, – Павел вздохнул, понимая, эту упрямую девушку ему не убедить, если она что-то решила.

– Все в порядке, Паш, – уверенно заговорила певица, – если бы он хотел меня убить, то сделал бы это еще тогда.

– Думаешь, это самое страшное? Смерть? – вздохнул Павел, – Мелкая ты еще, не понимаешь ничего...

– Паш, в субботу встретимся, пока, – твердо прервала парня Ждана и сбросила вызов.

Девушка Ждана была юной начинающей певицей. Впрочем, певицей она быть не хотела. Стечение обстоятельств и несправедливость жизни заставили ее сделать выбор. Юная Ждана хотела стать педиатром. Хотела лечить деток и сделать мир чище, красивее, лучше. Но все ее мечты потерпели крах, когда автомобиль ее отца врезался в ограждение моста. От удара машину развернуло и вынесло на полосу встречного движения, снося с дороги малолитражку вместе с пассажирами. Женщину и ребенка. Когда на место происшествия приехала полиция, выяснилось, что виновник ДТП был в состоянии алкогольного опьянения, на заднем пассажирском сиденье была девушка, которую от столкновения с ограждением выбросило наружу. Она пострадала, но осталась жива. А вот пассажиры малолитражки скончались, не приходя в сознание. Виновник аварии впал в кому, но спустя неделю очнулся. Он остался жив, но разрушил две семьи одним движением руки.

Юная Ждана оказалась в больнице, почти полгода она не могла ходить. А когда смогла, столкнулась с проблемами. Денег на ее лечение не оказалось. И совершенно из ниоткуда появился сын той самой погибшей женщины с ребенком.

Ждана помнит этот момент, день, когда все изменилось. Хотя нет, изменилось все гораздо раньше. Но именно тот день врезался в ее память весьма отчетливо, когда на пороге общей палаты городской больницы появился высокий мужчина лет тридцати пяти на вид. Обведя цепким взглядом палату, он подошел к девушке.

– Ждана Смешная, – немного с усмешкой, словно издеваясь над ее фамилией, проговорил мужчина, – врачи говорят, вы идете на поправку. Завтра вас переведут в столицу. Подлатают.

Мужчина стоял, пряча руки в карманы. И смотрел на Ждану. Просто смотрел, совершенно без эмоций. А хотя нет, эмоции в его взгляде были. Ненависть и презрение, от которых хотелось спрятаться под одеяло.

– Кто вы? – нашла в себе смелость спросить девушка.

– Я? – мужчина хмыкнул, словно раздумывая, отвечать на вопрос или нет, – Ваш отец убил мою маму и сестру. Так что мы с вами, уважаемая Ждана Смешная, почти родственники.

На глазах девушки выступили слезы.

– Мне очень жаль, – прошептала Ждана, пытаюсь глотать слезы, но у нее не выходило. Ее юное сердце сжималось от переполнявших ее чувств, от сожаления, от жалости. А еще от страха. Она боялась этого человека, незнакомца, державшегося холодно, надменно и отстраненно. Она боялась его цепкого взгляда. А еще, несмотря на страх, она испытывала к нему необъяснимую симпатию. Красивый, четко очерченный профиль, глубокие темно-ореховые глаза и нос с горбинкой. Мужчина был настолько же красив, насколько и холоден. Он пугал, но одновременно и дарил чувство покоя. словно своей силой мог закрыть от всего.

– Жалость неприемлема, – холодно ответил незнакомец, – Вы единственная родственница вашего отца. И ответите за него.

Больше он не сказал ни слова. На следующий день, как и обещал незнакомец, Ждану перевезли в столицу, устроили в частную клинику, самую дорогую в стране. Ее лечили лучшие врачи, два профессора-иностранца днями и ночами тряслись над ее телом. И спустя три месяца, Ждана уже свободно передвигалась на своих ногах. Отец же остался в старой клинике и медленно шел на поправку. Один раз Ждана хотела навестить его, но появился тот самый незнакомец, о котором девушка уже знала несколько важных сведений. Первое – его имя. Второе – его прозвище. И третье – чем он занимался и почему его все боялись. И когда Яков Алексеевич появился на пороге ее частной палаты, Ждана вся сжалась, но не отвела взгляда. А только расправила плечи, и смело взглянула на своего 'благодетеля'.

– Тебе запрещено покидать границы города, – четко проговорил Яков. На его слова Ждана удивленно подняла брови.

– Я хотела навестить отца, он не может сам добраться ко мне, – тихо ответила Ждана.

– Тебе запрещено покидать город, – жестче перебил ее Ящер.

– Кем запрещено? – удивилась девушка, – Я не нарушала закон и свободна в своих передвижениях.

– Здесь закон – это я, – надменно прервал ее слова Яков, – И мне решать, покидать тебе город или нет.

– Но мой отец... - возразила девушка.

Яков сделал шаг ближе. Всего лишь шаг, а показалось, что он заслонил своей фигурой всю палату. Его губы упрямо сжаты, а ноздри раздувались в гневе. Как какая-то девчонка могла ему перечить?! Немыслимо просто, непостижимо.

– Я лично убью его, если ты пересечешь границы города!

Всего одна фраза, и Ящер покинул палату. И Ждана знала, что этот мужчина выполнит свою угрозу. Да он и не угрожал, а констатировал факт. Ждана слушается – отец умрет. Все четко и понятно.

Девушка устало села на краешек кровати и заплакала. Всего на секунду ей показалось, будто за дверью палаты кто-то стоит. Но она просто не нашла в себе силы проверить, не показалось ли ей, что именно властный Яков стоял там.

С этого дня прекратилось всякое общение с отцом. Теперь даже телефонные звонки

были под запретом. И Ждана не стала возражать. Нет, Ждана, конечно любила своего родителя. Но и простить не могла. Она слишком хорошо помнила, как уговаривала его не садиться за руль. Но поскольку сама водить не умела, а отец был слишком скуп, чтобы вызвать такси, управлял машиной сам. И Якова она отлично понимала. Мужчина потерял свою семью и вполне объяснимо, что хочет теперь отомстить за их смерть. Но как именно? Чего ждать девушке от этого властного Ящера? Несмотря на то, что сама оказалась такой же жертвой безалаберности и безответственности своего родителя, Ящера она не осуждала. Пусть и сетовала на судьбу.

А потом, когда проблемы со здоровьем почти исчезли с ее горизонта, Ждана вновь столкнулась с Яковым. Он появился также неожиданно, как и в первый раз. Ее выписали из клиники. Она стояла на крыльце и совершенно не знала, куда ей теперь идти. Знакомых у нее не было. Все друзья остались в родном городе. Из родни – отец, с которым общаться ей было нельзя. И здесь появился он. Помимо своей воли Ждана залюбовалась этим красивым мужчиной. Светло-серое пальто, строгие брюки, до блеска начищенные ботинки, белоснежная рубашка – придавали ему строгий официальный вид. Однако он не вязался в мыслях Жданы с криминальным воротилой. Жесткий бизнесмен – да, а вот преступник – нет. Совсем никак.

Но что-то было в его взгляде, что-то такое, отчего все кругом прятались. Медсестра, вышедшая проводить девушку, бесшумно скрылась. Никто не подходил к ним, даже охрана держалась в стороне.

– Здорова? – вместо приветствия сказал Яков.

Ждана осторожно кивнула, гадая, чего на этот раз ожидать от 'благодетеля'. Яков просто развернулся и пошел в сторону машины. Сев в нее, посмотрел на девушку, все также стоящую на крыльце клиники. И кивнул, указывая на место рядом с собой. Нетерпеливо кивнул, словно девушка испытывала его терпение. Ждана послушно села в салон автомобиля. Спустя полчаса полного молчания, которое нарушал только звук тихой музыки, льющейся из динамиков, машина остановилась.

– Говорят, ты умеешь петь, – всего одна фраза, но издевка, сквозящая в ней, заставила Ждану расправить плечи и холодно посмотреть на Ящера. По крайней мере, девушка надеялась, что ее взгляд был холодным и отстраненным. А не загнанным, как у человека, который четко осознавал, что его жизнь отныне принадлежит не ему самому, а другому человеку. Более сильному.

– Да, я окончила музыкальную школу, – ответила Ждана ровным голосом, – Но вам ведь это известно, Яков Алексеевич?

Откуда, вот откуда взялась в ней уверенность? Или это просто отчаяние? Кто разберет...

Яков ухмыльнулся. Вернее его губы растянулись в ухмылке, а глаз коснулся металлический холодок.

– По субботам с девяти до десяти, – Ящер кивнул на шестиэтажное здание с яркой вывеской: Ночной клуб 'Пятигорье'.

– Жить я, конечно же, буду в подвале? Или на чердаке? – невесело рассмеялась Ждана.

Яков молчал, и, нажав кнопку на дверной панели, опустил стекло перегородки,

отсекавшей салон от водителя.

– Павел, проводи! – короткий приказ Ящера подсказал Ждане, что разговор окончен.

– До встречи, Яков Алексеевич, – спокойно проговорила девушка и, открыв дверь, вышла из машины.

Порыв ветра швырнул снежинки в ее лицо, заставив отвернуть голову. И боковым зрением Ждана заметила изучающий взгляд мужчины. Взгляд, в котором не было того холода, надменности и пренебрежения, которые сквозили еще минуту назад. Ждана моргнула, прогоняя наваждение, и пошла навстречу новому этапу своей жизни.

Отныне ей предстояло петь в ночном клубе. Она была 'против' такой карьеры, но ее мнение никого не интересовало. Ей не нравилась публика, раздражал яркий свет, запах алкоголя и громкая музыка. Но ведь ее никто не спрашивал. Да и, если честно, все оказалось немного лучше, чем успело нарисовать ее воображение. Да, она пела в ночном клубе, но пела всего около часа. Да, она сидела на сцене перед пьяной публикой, но никто не смел приблизиться к ней. Даже персонал не смотрел в ее сторону. Тот самый Павел, либо кто-то из охранников, проверенных и немногословных, каждый вечер забирал ее из дома и привозил обратно домой. Дом, который также предоставил Ящер. Небольшой одноэтажный коттедж, уютный и обособленный, с палисадником по периметру и высоким забором. Полнейшая изоляция.

Ждана пела по субботам, причем репертуар она подбирала сама. Иногда это были популярные песни модных исполнителей, либо что-то давно забытое. Но чаще Ждана исполняла свои композиции. Глубокие, полные смысла, горечи и отчаяния. А еще в них была надежда. Вернее ее искра, такая, которую не погасить даже десятью такими Ящерами, сколько бы усилий они не прилагали.

Ждана вела замкнутый образ жизни, все ее общение сводилось к интернету. Она начала общаться со старыми друзьями. Но на вопрос 'Куда пропала', Ждана неизменно отвечала, что теперь живет за границей, что она подписала контракт с одной компанией, совсем небольшой и расположенной очень далеко. Приехать не может. И когда сможет – не знает. Да друзья, собственно, и не рвались к ней. У всех своя жизнь.

Ждана пела, а на каждом выступлении почти физически ощущала на себе взгляд откуда-то сверху. Тяжелый и изучающий взгляд. Но из-за софитов, светящихся на нее, рассмотреть она никого не могла. Но точно знала, что там, на балконе, сидел Яков.

Первое время она просто пела, стараясь отвлечься от всего. И только ее песни говорили за нее. Обычно ее выступления заканчивались поездкой домой и одиночеством, но однажды охранник Павел, прервав ее выступление, привел ее на тот самый балкон. К Якову.

Пятигорских занимал столик у перил. Он сидел в широком кресле, словно на троне. Он не смотрел на вошедшую девушку, его взгляд был направлен на сцену, словно Ждана все еще пела там.

– Вызывали, товарищ Яков Алексеевич? – улыбнулась девушка.

От ее слов Ящер вскинул бровь и повернул голову в сторону Жданы.

– Полегче, малышка, – тихо, едва различимо, шепнул Павел, и отодвинул кресло для Жданы. Та села и благодарно улыбнулась парню. С охранником у них успели сложиться дружеские отношения. По крайней мере, Ждане хотелось так думать.

– Нравится здесь петь? – нарушил молчание Ящер.

– Нет, – честно ответила Ждана, – Но вам же неважно мое мнение, не так ли?

Павел, стоя в дверях, кашлянул. Ящер поднял брови вверх.

– Ты помнишь, какой сегодня день? – его взгляд скользил по лицу девушки, спускаясь ниже. На тело, затянутое в ярко-красный шелк. Платье было длинным, с длинными рукавами и глухим воротом, но Ждана почувствовала себя раздетой.

– Помню, – тихо ответила девушка.

Яков придвинул в ее сторону рюмку с прозрачной жидкостью. А сам взял в руки бокал с коньяком.

– Я не пью водку, – тихо прошептала Ждана, с силой сжимая руки в кулаки и пряча их под столом.

– Мне плевать, – холодно проговорил Яков, и опустошил свой бокал.

– У меня полная непереносимость алкоголя, – зачем-то начала объяснять Ждана, – Организм отторгает его. Не в плане похмелья, а в плане... Мне правда нельзя. Честно.

– Я понял, – перебил Яков девушку, – И почему ты такая?

– Это гены, от мамы достались, – вздохнула Ждана, испытывая необъяснимое желание донести до Якова мысль. Так, чтобы он понял, она не пьет в этот день не потому, что не хочет, а потому, что нельзя, – У нее тоже так было. Полная непереносимость спиртосодержащих напитков.

– Лучше бы непереносимость была у твоего отца, – горько усмехнулся мужчина, – Как говорить, царство им небесное.

Яков залпом допил коньяк. И вновь пристально посмотрел на девушку.

– Как тебе твоя жизнь? – спросил Яков.

– Терпимо, – честно ответила девушка.

– Терпимо, – задумчиво повторил Ящер, – Человек способен привыкнуть ко всему. И ты привыкла. Я полностью изолировал тебя от мира. Отобрал у тебя все, что было. Твои мечты, желания, надежды. Твоих друзей. Все. И ты привыкла.

Ждана молчала, слушая слова Ящера. Он прав во всем, кроме одного.

– Почему ты это терпишь? – как-то слишком задумчиво и уже совсем не надменно спросил Ящер.

– Вы сами сказали, человек может привыкнуть ко всему, – пожала плечами девушка,

– И я привыкла терпеть.

Ящер, задумчиво подпер подбородок пальцами, уперев локоть в подлокотник.

– И ты больше ничего не хочешь, ни к чему не стремишься? – тихо спросил Яков.

– Стремлюсь, – пожала плечами Ждана, – И вы не правы. Я все еще мечтаю. И надежда у меня есть.

Девушка скопировала позу мужчины. И позволила своему взгляду точно также скользнуть по распахнутому вороту рубашки, неизменно белоснежной, задержаться на пальцах, удерживающих упрямый подбородок.

Между ними вновь повисла тишина. Но в этой тишине появилось напряжение, словно два сильных противника противостояли друг другу. Один из них должен был сдаться, или они падут оба. Но никто не торопился уступить.

– Мне надоело тебя жалеть, – прервал молчание Ящер, – Сегодня самое время расплачиваться.

Больше Ящер не сказал ни слова. Кивнул Павлу. Ждана вернулась на сцену. А Павел, прекрасно слыша разговор босса с девушкой, велел парням сразу же после выступления везти Ждану домой.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/narushaya-zaprety-vopreki-b22512>